

Простыни были смяты и исковерканы глубокими складками, словно горные кручи. Проникавший сквозь окно лунный свет выхватывал из полумрака лишь крошечный уголок этого мрачного ущелья.

В спальне густо пахло бамбуковой рощей после дождя, перемешанной с медовой сладостью. На этот аромат к подоконнику прилетела ночная бабочка. Трепет её крыльев отбрасывал тень, похожую на два падающих листа гинкго, чьи истинные краски растворились в глубокой тьме.

Юй Тяо лежал ничком. Мощная грудь Лу Куаньдуна плотно прижималась к его узкой спине; широкие плечи Альфы со спины полностью скрывали хрупкое тело Юй Тяо.

Одной рукой он обнимал его за талию, а широкой ладонью другой обхватил шею. Поглаживая, лаская пальцами четко очерченную линию подбородка, Лу Куаньдун ощущал ладонью, как судорожно сглатывает Юй Тяо, как дергается его кадык.

Наклонившись, Лу Куаньдун слегка разомкнул губы и ввелся зубами в железу на загривке, оставив глубокий след. Непрерывный поток феромонов дарил лишь мимолетное удовольствие. У беты словно не существовало порога восприимчивости — ни нижнего предела, ни верхнего. Бете невозможно поставить вечную метку, но укусить его и заставить захлебнуться чужим запахом можно в любую секунду.

Однако это не приносило Лу Куаньдуну полного насыщения. Натура его требовала тотального владения. Семейное состояние, любовь родителей, дружба, привязанность — он категорически не терпел мысли, что кто-то вырвет у него хоть каплю. Чем безучастнее и пренебрежительнее он выглядел внешне, тем изощреннее просчитывал каждый шаг, чтобы вернуть себе свое.

То же касалось и постели. Юй Тяо не раз ловил себя на мысли: к счастью, Лу Куаньдун его не любит. Будь иначе, он, простой бета, ни за что не сумел бы подарить Альфе чувство уверенности и насытить его властную натуру.

Впрочем, Лу Куаньдун никогда не говорил о своих желаниях прямо — эта глухая, сдерживаемая страсть проявлялась у него в иступленной, жесткой ласке. Во время близости Юй Тяо постоянно плакал, слезы лились сами собой. Лу Куаньдун слизывал солоноватую влагу у него с уголков глаз и раз за разом требовал прекратить сырость. Неспособность беты сдерживать слезы лишь раздражала Альфу, заставляя его действовать еще грубее и беспощаднее.

— Стонай, — искусно искушая, сдавленным, хриплым от нахлынувшего наслаждения голосом прошептал Лу Куаньдун. Он выдохнул его имя: — Перестань плакать, Юй Тяо. Я хочу слышать совсем другие звуки.

В этом тоне звучал непререкаемый приказ, против которого Юй Тяо был бессилен:

— М-м-м...

— Там... дождь?.. — Взгляд Юй Тяо затуманился. Перед глазами плыла пелена, похожая на конденсат, оседающий на оконном стекле в ненастный день.

— Нет, — отозвался Лу Куаньдун. — Ночь тихая.

Шорох за окном был лишь дыханием ветра в кронах.

Пальцы Лу Куаньдуна скользнули к его переносице. В самые страстные мгновения он почему-то обожал касаться именно этого места. В точности там же, между бровями, у Хань Ло находилась родинка.

Сквозь марево оргазма Юй Тяо уловил на лице Альфы едва заметную тень досады. Столько времени прошло, а тот всё никак не мог простить Юй Тяо, что он посмел свести свою родинку.

В мутном, затуманенном сознании замелькали мысли, прежде казавшиеся ему невыносимыми. До чего же противоречива его душа! Он боится, что Лу Куаньдун полюбит его, и одновременно испытывает тупую, давящую обиду каждый раз, когда понимает: для этого человека он лишь бледная тень, замена. Взял и свел родинку. Подумаешь! Почему, несмотря на всю его покорность, Лу Куаньдун не способен подарить ему хотя бы крупицу искреннего чувства? Как же сильно ему хотелось снова ощутить, что его любят...

— А вот здесь у тебя... похоже, идет дождь, — Лу Куаньдун поднес ладонь к его лицу. На тонких пальцах протянулась нить слез. — Капли совсем как дождевые. Влажные.

В спальне царил полумрак. Лишь тусклый свет фонаря едва задевал подоконник, оставляя остальную комнату во власти ночи. Тьма надежно укрывала и рваные стоны Юй Тяо, и бессвязный беспорядок чувственной лихорадки. Ночь берегла их секреты, ночь сглаживала все углы.

— Лу Куаньдун... укуси еще раз, — пролепетал Юй Тяо. Горло саднило огнем — то ли от сдавленных криков, то ли опять поднимался жар. — Железа... зудит...

Бессильный, совершенно изнуренный Юй Тяо что-то бессвязно шептал, когда Альфа подхватил его на руки и понес в ванную. На лице Лу Куаньдуна снова застыло привычное безразличие.

— Что укусить? — небрежно переспросил он.

— Мою железу...

— И кто же должен укусить Юй Тяо за железу?

— Лу Куаньдун... — сухими губами выдавил бета. — Пожалуйста...

— Нет, — безжалостно отрезал тот. Сначала вынудил умолять, а потом отказал без тени сожаления.

Вернувшись из ванной, Лу Куаньдун уложил бету в постель и заботливо укрыл одеялом. Какая ирония: Юй Тяо, только что просивший о пощаде, словно не хотел отпускать его. Он слабо приподнял руку, пытаясь обнять Альфу за шею, но пальцы соскользнули обратно. Лу Куаньдун подхватил его ладонь и едва заметно усмехнулся:

— Что такое?

Досадно, что Юй Тяо так и не увидел этой улыбки. А ведь он во всем потакал ему именно ради этого редкого, живого тепла... Бета изо всех сил пытался распахнуть тяжелые веки, но перед глазами все расплывалось.

— Хочу просто поговорить с тобой... — Юй Тяо болезненно нахмурился. Выглядел он скверно: голова шла кругом, Лу Куаньдун казался ему стремительным омутом, увлекающим на самое дно.

Железа на загровке налилась тяжестью и пульсировала. Жутко не хотелось снова свалиться с лихорадкой.

— Завтра... очистишь меня?... — тихо попросил он. — Пожалуйста... Я так устал...

Лу Куаньдун опустился рядом и снова обнял его со спины:

— Сам справишься.

— У меня... не получается самому... — бета путался в мыслях. — В прошлый раз ты просто ушел... А врач потом сказал, что лихорадка начинается, если вовремя не убрать чужой феромон...

— Обижаешься? — вкрадчиво уточнил Альфа.

— Нет... Прошу тебя.

— Тогда тем более не стану, — ровно произнес Лу Куаньдун. — Тебе полезно научиться чувствовать себя обделенным рядом со мной. Иначе мы никого не убедим.

Заставлять истощенный мозг Юй Тяо разгадывать подтексты было бессмысленно — он был способен лишь беспрекословно соглашаться:

— Значит... обижаюсь.

— Вот и хорошо.

Лу Куаньдун уткнулся подбородком в шелковистый изгиб его шеи, прижавшись щекой к свежему укусу на железе. Сам того не замечая, он питал странную слабость к этой отметине — единственному вещественному доказательству его власти над Юй Тяо. Пусть метка сойдет, и бета снова станет недостижим для его феромонов, прямо сейчас этот след принадлежал ему.

— Ты купил новые духи? — Лу Куаньдун принялся. От беты веяло удивительным ароматом, едва поддающимся описанию. Будто после многолетней засухи наконец выпал снегопад: запах заснеженной сливы, свежих зеленых листьев, подхваченных метелью. Выходя из душного помещения на мороз, делаешь такой глубокий вдох — и чистый, ледяной воздух проникает в самое сердце, принося невероятное умиротворение.

Ответа не последовало. Человек в его руках уже крепко спал, дыша ровно и глубоко. Возможно, сказывалась накопившаяся за день усталость, но молчание беты почему-то отозвалось у Лу Куаньдуна вспышкой глухого раздражения.

Он заколебался, не разбудить ли его. Прежде он нисколько не считался с чувствами Юй Тяо: если тот отключался во время близости, Альфу это не останавливало, что уж говорить об обычном сне. Однако на этот раз нечто заставило его сдержаться. Лу Куаньдун снова наклонился и вслушался в запах: Юй Тяо с головы до ног был пропитан его феромонами. Прошлый период восприимчивости явно что-то переменял в их телесной связи, но что именно, Лу Куаньдун пока не мог объяснить. Одно он знал точно: желание подчинить бету, поставить ему полную метку становилось все отчетливее и навязчивее.

Подобным мыслям не было места в их фиктивном браке, но Лу Куаньдуна это мало волновало. На днях, во время семейного обеда в особняке семьи Лу, он уловил подтекст в разговорах и понял: его младший брат Лу Вань заподозрил неладное. В доме явно завелись шпионы, подсланные братом.

А значит, условия брачного договора, заключенного с Юй Тяо в самом начале, придется переписать.

<http://bllate.org/book/20424/2106029>